

О НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

© 2020 г. К. С. Родионов

Институт государства и права Российской академии наук, Москва

E-mail: rodionova76@gmail.com

Поступила в редакцию 17.06.2020 г.

Аннотация. Вторжение войск фашистской Германии в Польшу в 1939 г., положившее начало Второй мировой войны, и условия, сделавшие это возможным, до сих пор являются предметом споров политиков и ученых. В качестве аргументов используются Пакт Риббентропа-Молотова и секретный Протокол к нему. Автор предлагаемой статьи в первой её части анализирует нестандартность обстоятельств, в которых появились эти акты, а также дополнительные источники.

Ключевые слова: вторжение войск Германии в Польшу, Вторая мировая война, Пакт Риббентропа-Молотова, секретный Протокол.

Цитирование: Родионов К.С. О начале Второй мировой войны: историко-правовое исследование. Часть первая // Государство и право. 2020. № 8. С. 91–103.

DOI: 10.31857/S102694520011035-9

ABOUT THE BEGINNING OF WORLD WAR II: HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH. PART ONE

© 2020 K. S. Rodionov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: rodionova76@gmail.com

Received 17.06.2020

Abstract. The invasion of Nazi Germany in Poland in 1939 was the beginning of World War II. The conditions that made this possible are still a subject of disputes among politicians and scientists. The arguments used are the Ribbentrop-Molotov Pact and the secret Protocol for it. The author of this article in its first part analyzes the unusual circumstances in which these acts appeared, as well as additional sources.

Key words: the invasion of Nazi Germany in Poland, World War II, Ribbentrop-Molotov Pact, secret Protocol.

For citation: Rodionov, K.S. (2020). About the beginning of World War II: historical and legal research. Part one // Gosudarstvo i pravo=State and Law, № 8, pp. 91–103.

Достаточно распространенным является предвзятое толкование событий начала Второй мировой войны, в развязывании которой якобы в равной степени виновны Германия и СССР. Сторонники этой позиции ссылаются в ее подтверждение на Пакт Риббентропа – Молотова (Пакт о ненападении) и секретный Протокол к нему, подписанные ими 23 августа 1939 г. Лишь второй содержал положения, ставшие причиной обвинения, но в сознании общества оба акта слились в единое целое.

Пакт и Протокол пока не были предметом отдельного исследования, а они в этом нуждаются. Причем больше не сам текст, в котором многое и без того ясно, а обстоятельства, обусловившие их принятие. Конвенция о праве международных договоров 1969 г. (ст. 32) позволяет нам обратиться «к подготовительным материалам и обстоятельствам заключения договора». В данном случае необходимо выяснить, какая из сторон и в какой форме проявила инициативу (волю) к их заключению, были ли переговоры, консультации, переписка сторон. И последнее: выполнение сторонами взятых на себя обязательств.

Для полноты анализа начать его целесообразно с отношений, которые сложились между СССР и Германией после Первой мировой войны. Её итоги для них были подведены странами Антанты – для Советской России в 1918 г. в Брест-Литовске, для Германии – в 1919 г. в Париже. Обе выступали в качестве побежденных, а условия определялись лидерами Антанты – Англией и Францией. В результате Советская Россия потеряла Польшу, Латвию, Литву, Эстонию и Финляндию: они стали независимыми государствами.

Внутреннее положение Советской России было удручающим: экономика в упадке, заводы и фабрики стояли, царил товарный и продовольственный голод, государство находилось в политической изоляции.

Германия также лишилась десятой части территорий и колоний¹, прав и преимуществ в Китае и Японии, кроме того, была обязана передать союзным державам ценности и золото, полученные от Австро-Венгрии, России, Румынии и Турции, возместить убытки государствам-победителям, нанесенные войной (более 132 млрд марок), и сократить армию. Её протест остался без ответа.

Одно из положений Версальского договора было направлено против России: противодействовать ее попыткам распространения большевистской идеологии за ее пределы. Это надолго

¹ Например, Германия отказалась от своего права на Египет и Марокко и признала протекторат над первым Великобританией, а над вторым – Францией.

сделало ее объектом общей неприязни. Даже признание СССР в 1924 г. Великобританией, Францией и Италией тогда мало что изменило в этой ситуации.

Можно сказать, что в Европе после войны сложился политический блок государств во главе с лидерами Антанты – Англией и Францией, за которыми во всем следовали Польша, прибалтийские государства и др. Вне блока оказались, каждая за собственные «прегрешения», Германия и Советская Россия.

В этом качестве в 1922 г. они были приглашены на международную конференцию в Геную для обсуждения экономического и финансового положения. Рассмотрение конференции не охватывается предметом данной статьи, а названа она лишь потому, что дипломатические представители Германии и России здесь же в местечке Рапалло заключили договоры о восстановлении дипломатических отношений, взаимном отказе от финансовых претензий, установлении сотрудничества, длившегося почти двадцать лет, вплоть до 1941 г.

Для обоих государств Рапальский договор тогда имел важное значение: для России – как прорыв экономической и политической блокады, а для Германии – как первый международный договор, заключенный Веймарской республикой², сменившей прежний монархический режим. Он так же позволил им восстановить некоторые прерванные войной контакты, существовавшие между Российской Империей и Германией³. В 20-е годы эти связи снова стали развиваться, особенно в сфере культуры, науки и др. В 1926 г. Германия и СССР подписали Договор о нейтралитете, который подтолкнул стороны к установлению сотрудничества и в военной сфере.

Ситуация стала меняться после прихода в Германии к власти Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСРПГ), которая начала с выработки нового политического курса государства, а конкретно – пересмотра положений Версальского договора.

Важную роль в истории сыграл А. Гитлер, один из руководителей НСРПГ. Австриец по рождению, он закончил войну ефрейтором немецкой армии, дважды раненый и переживший одну из газовых атак. Он не мог смириться с поражением Германии в этой войне. Идея реванша и отказа от унижительного для государства международного

² 31 июля 1919 г. в Германии была принята конституция, в соответствии с которой она стала республикой и оставалась ею до прихода к власти Гитлера и установления им фашистского режима управления.

³ Согласно данным переписи населения, в 1939 г. в СССР постоянно проживало около 605 тыс. немцев.

договора 1919 г., как и достижение ею господства в мире, стали главными целями жизни Гитлера, мотивировавшими его решения и действия.

Возможность реализовывать их представилась ему в 1934 г., когда президент Германии Гинденбург назначил его канцлером. А в августе 1934 г. Гитлер фактически объявил себя президентом Германии. Свои полномочия он понимал как ничем не ограниченные, пользуясь которыми приступил к реализации целей, намеченных в 1926 г. в книге “*Mein Kampf*”, – установления фашистской диктатуры в государстве и господства немецкой нации как высшей над всеми другими на планете Земля.

Перемены, проведенные фашистской Германией в своей внутренней и внешней политике, заставили Советское правительство резко сократить с ней контакты. Надо учесть, что количество государств, сотрудничавших с СССР, было невелико, поэтому сохранение отношений с Германией являлось целесообразным.

В 1935 г. СССР провел в Москве очередной 7-й конгресс Коминтерна, в программу которого был включен вопрос об угрозе фашизма. В своем решении конгресс призвал коммунистические и рабочие партии государств к единству в борьбе с фашизмом и его идеологией. К прежним обвинениям СССР Гитлер добавил и проведение конгресса, последний он попытался нейтрализовать, создав «Антикоминтерновский блок», но кроме Италии вовлечь в него удалось только Японию.

Воплощение экспансионистских планов Гитлер начал с объединения территорий Европы, населенных немцами. Идея, намеченная им в “*Mein Kampf*”, взята из XIX в. Тогда Германия представляла множество государств и княжеств, некоторые из которых были малы.

По инициативе О. Бисмарка в 1866 г. все они объединились в Северо-Германский Союз, тем самым реализовав положение «государство – это территория, население которого говорит на одном – немецком языке и границы которого соответствуют его лингвистическим особенностям». Этот Союз в 1871 г. после победы во франко-прусской войне 1870–1871 гг. Бисмарк превратил в Германскую Империю, в которой приоритет принадлежал Пруссии.

Первой к Германии Гитлер присоединил Австрию, которая в 1938 г. стала ее частью.

Следующей целью были Судеты – область Чехословакии, доставшаяся ей после Первой мировой войны при разделе Австро-Венгерской монархии. Основное население Судетов составляли немцы (90%). Гитлер потребовал от Чехословакии передать Судеты Германии, удалив оттуда чехов и словаков. Та ответила отказом, надеясь на

поддержку Англии и Франции. Но 29 сентября 1938 г. в г. Мюнхене под давлением Германии Великобритания и Франция подписали договор о передаче Судетов под суверенитет Германии. Но Гитлер на этом не успокоился и в начале 1939 г. захватил оставшуюся часть Чехии, превратив ее в протекторат Германии. Президент Чехословакии Гаха вынужден был подписать договор под угрозой Гитлера начать бомбардировку столицы государства – города Праги⁴. Помощь Чехословакии предложил СССР, но Польша и Румыния не дали согласия на транзит через свою территорию контингента Красной Армии. Да и сам президент Чехословакии отказался от помощи, подтвердив и его негативное отношение к СССР.

По решению Лиги Наций Словакия получила автономию, а Венгрия и Польша – по участку территории с этнически родственным населением. Гитлеру же было поставлено условие: в будущем решения об изменении границ государств принимать только путем консультаций сторон.

Главы правительств Англии и Франции (М. Чемберлен и Э. Даладьё) были уверены, что Гитлер не остановится и продолжит действовать в восточном направлении, т.е. через опекаемую ими Польшу. В противоборстве с Гитлером нужны были радикальные формы воздействия, а не их политика умиротворения, нужен был сильный союзник, такой как СССР, который уже подтверждал готовность к этому. Первые сигналы, направленные в Москву по дипломатическим каналам о желательности начать диалог, показали, что И. Джугашвили (Сталин) готов к нему.

В марте 1939 г. начались их совместные консультации, но первые же обсуждения показали, что их участники не в состоянии определиться даже в том, какому государству в первую очередь угрожает опасность. В качестве формы противодействия экспансии Гитлера Англия предлагала заключить договор (подписать декларацию) или выработать «систему гарантий, которые вынудят Берлин отказаться от очередной агрессии. В противном случае он окажется в состоянии войны сразу с Англией, Францией и СССР»⁵.

Нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов сообщил 4 апреля 1939 г., что принятие предложенной Англией декларации «застопорилось из-за возражения Польши, которая заявила, что не может примкнуть ни к какой акции, в форме декларации или иной, направленной против Германии»⁶.

⁴ См.: Международное право: учеб. / под ред. В.А. Ковалева, С.В. Черниченко. М., 2006.

⁵ Богуславский К. Черный передел: 1939 год // Дилетант. 2019. № 047. С. 16.

⁶ Там же. С. 16.

Выяснилось, что ни она, ни Румыния «вообще не горели желанием быть в каких-либо блоках с СССР». Подобное заявление, сделанное этими государствами в апреле 1939 г., можно было понять как отказ той и другой от какой-либо помощи, если среди помогающих будет СССР.

После неудачной попытки согласовать совместную декларацию стороны перешли к иной форме — договору. По просьбе СССР в его проект были включены положения о гарантиях Латвии, Эстонии и Финляндии, а англичане и французы добавили Бельгию, Грецию и Турцию, что, как отмечал К. Богуславский, «еще больше затянуло возможность быстрых согласований в связи с появлением новых игроков со своими интересами и обязательствами»⁷.

В продолжавшихся консультациях отмечались трения в позициях и их организаторов и участников второго круга. Со стороны практически и тех и других представители СССР отмечали отчужденность и отсутствие желания к тесному сотрудничеству. Это заставляло руководство СССР не забывать о собственной обороноспособности на случай неожиданной агрессии со стороны фашистской Германии⁸.

11 апреля 1939 г. Гитлер подписал Директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939—1940 гг. В ней указывалось, что «в будущем Германия намерена взять под свой контроль Латвию и Литву», и вообще «позиция лимитрофных государств будет определяться исключительно военными потребностями Германии», а «с развитием событий может возникнуть необходимость оккупировать лимитрофные государства до границ прежней Курляндии и включить эти территории в состав Рейха»⁹.

Директива открывала восточный план Гитлера. Объектом ближнего интереса в ней названы Латвия и Литва, последующие события 1939 г. показали, что таковым была Польша, как «лимитрофное государство», с которым Германия на востоке имела самую протяженную границу, и которое «с развитием событий» могла оккупировать. Для СССР это означало стать для Германии таким же «лимитрофным государством».

Поэтому к мерам по укреплению своих вооруженных сил руководство государства решило добавить средства дипломатической службы. В течение месяца

были произведены два новых назначения в Комиссариате иностранных дел: отозван из Берлина поверенный в делах (посол) И.М. Майский, а на его место направлен А.С. Мерекалов. Вторым стало смещение главы ведомства М.М. Литвинова и назначение на его место В.М. Молотова, оставленного и в прежней должности главы правительства. Перемены в дипломатической службе СССР дали повод Гитлеру ждать перемен в его внешнем курсе¹⁰.

В 1948 г. государственный департамент США издал оказавшиеся после Второй мировой войны в распоряжении американских спецслужб архивные документы МИД Германии за предвоенные годы. Целевая подборка из них была опубликована в СССР 1989 г., но так и осталась малоизвестной, поэтому каждый из них ниже будет приведен полностью или с незначительными сокращениями.

Первый документ датирован **17 апреля 1939 г.** (четвертый день после подписания Гитлером Директивы). Это «меморандум» (докладная записка) статс-секретаря МИД Германии, где сообщалось о первой встрече с приступившим в Берлине к работе послом СССР А.С. Мерекаловым. Их знакомство не могло ограничиться выполнением принятых в таких случаях формальностей. Обсуждая их, собеседники «прощупывали» один другого. Мерекалов начал с того, что его правительство обеспокоено поставками заводами «Шкода» в СССР военных материалов. Выполнение этих обязательств он рассматривает как проверку того, готова ли Германия и дальше поощрять и расширять экономические отношения с СССР».

«Я намекнул ему, что сообщения о русско-англо-французском пакте в настоящий момент явно не способствуют проявлению доброй воли с нашей стороны и созданию атмосферы доверия для доставки военных материалов в Советскую Россию, и заметил, что, насколько мне известно, Германия — единственная страна, которая в настоящее время не бряцает оружием в Европе. Посол спросил меня о наших отношениях с Польшей и о якобы происходящих на германо-польской границе вооруженных столкновениях. Я ответил господину Мерекалову, что мы, как все знают, всегда хотели иметь с Россией торговые отношения, удовлетворяющие взаимные интересы. Мне кажется, что в последнее время русская пресса не присоединяется к антигерманскому тону американских и некоторых британских газет. Посол в этой связи заявил примерно следующее: политика России всегда прямолинейна. Идеологические расхождения вряд ли влияли на русско-итальянские отношения, и они также не должны стать камнем преткновения в отношении Германии. Советская

⁷ Богуславский К. Черный передел: 1939 год. С. 16.

⁸ См.: Договор о ненападении // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2019. № 7—8. С. 77.

⁹ Дашичев В.И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе, 1933—1945. Исторические очерки, документы и материалы. Т. 2. М., 2005. С. 37.

¹⁰ См.: Накануне войны // Эхо планеты. 1989. 25 авг. С. 21.

Россия не использовала против нас существующих между Германией и западными державами трений и не намерена их использовать. С точки зрения России, нет причин, могущих помешать нормальным взаимоотношениям с нами. А, начиная с нормальных, отношения могут становиться все лучше и лучше».

Следующий документ — телеграмма из Москвы от **4 мая 1939 г.** в МИД Германии, автор которой общался о неожиданном смещении 3 мая 1939 г. в Москве с поста Народного комиссара (министра) иностранных дел Литвинова и назначении на его место Молотова. По его версии, отставка — «результат неожиданного решения Сталина и, видимо, связана с тем, что в Кремле появились разногласия по поводу проводимых им переговоров. Причина разногласий — предположительно глубокая подозрительность Сталина, питающего недоверие и злобу ко всему окружающему капиталистическому миру. На последнем партийном съезде Сталин настаивал на осторожности, чтобы Советский Союз не был вовлечен в конфликт. Молотов (не еврей) считается наиболее близким другом и ближайшим соратником Сталина. Его назначение, несомненно, гарантирует, что внешняя политика будет проводиться в строгом соответствии с идеями Сталина».

5 мая 1939 г. в МИД Германии был приглашен на беседу советник советского посольства, доверенный в делах Астахов, которому было сообщено, что в ответ на запрос его государства от 17 апреля 1939 г. немецкая сторона согласна соблюдать советские контракты с заводами «Шкода» о поставках.

Астахов коснулся смещения Литвинова и попытался узнать, приведет ли это к изменению отношений с СССР. Он подчеркнул значение личности Молотова, который не является специалистом по внешней политике, но, тем не менее, будет оказывать большое влияние на будущую советскую внешнюю политику.

Две недели спустя, **17 мая 1939 г.**, глава МИД Германии И. Риббентроп поручил начать мониторинг контактов с СССР. Автор «Записки» сотрудник МИД Германии А. Шнурре писал, что «Астахов снова, как две недели назад, подробно говорил о развитии германо-советских отношений. Он отметил, что тон германской прессы за последние недели изменился. Нет направленных против Советского Союза выпадов, сообщения — объективны... Конечно, Советы не могут судить о том, является ли это временной переменной, вызванной тактическими соображениями, или нет. Но есть надежда на то, что подобное положение дел станет постоянным. Астахов объяснил, что в вопросах международной политики у Германии и Советской России противоречий нет и поэтому нет причин для трений. Правдой является и то, что Советский

Союз ясно чувствовал угрозу со стороны Германии. Но нет никаких сомнений, что удастся подавить ощущение угрозы и недоверие Москвы. Во время беседы он снова упомянул Рапальский договор. В ответ на мой случайный вопрос он коснулся англо-советских переговоров в том смысле, что при нынешних условиях желательные для Англии результаты вряд ли будут достигнуты».

Наш комментарий: эта «памятная записка» ее немецкого автора указывает на то, что Астахов под сотрудничеством с Германией имел в виду сферу промышленности и торговли государств, о которых шла речь в Рапалло в 1922 г. У немцев же цель была иная: сделать эти контакты приманкой для Советской России, чтобы втянуть её в военно-политический блок «Германия — Италия — СССР». В этой связи не случайным был и вопрос немецкого собеседника о «переговорах советского правительства с Англией о создании тройственного союза против Германии».

Подводя итоги встречи, ее немецкий инициатор заключил, что: «правдой является то, что *Советский Союз явно чувствовал угрозу со стороны Германии*» (курсив наш. — К.Р.), но от себя добавил, что сам он «не сомневается в том, что удастся подавить это недоверие Москвы».

5 июня 1939 г. посол Германии в СССР Шуленбург, сообщая в МИД о наблюдаемых им переменах во взглядах руководства СССР на отношения с Германией, заключил, что «дверь не захлопнута и что путь для дальнейших переговоров открыт. Советы нам не доверяют, но они не слишком доверяют и демократическим державам. Примечательно, что Молотов, говоря об отношениях с Англией, не упомянул о приглашениях, сделанных британским правительством Микояну, а недавно еще и Ворошилову, вслед визита Хадсона в Москву».

По нашему мнению, руководство СССР в это время продолжало консультации с правительством Англии по известному нам вопросу, которым она отдавала безусловное предпочтение и которые явно активизировались. Этим можно объяснить и отмечаемое в переписке адресатов МИД Германии молчание в ожидании сведений из Москвы о их развитии.

Только **28 июня 1939 г.** Шуленбург отправил в Берлин отчет о своей встрече с В.М. Молотовым, которая состоялась «по поручению министра иностранных дел Риббентропа, одобренному Гитлером, чтобы сообщить, что «германское правительство желает не только нормализации, но и улучшения своих отношений с СССР».

В ответ из СССР — тишина, длившаяся месяц. **27 июля 1939 г.** А. Шнурре, курировавший в МИД Германии дипломатическую переписку

с посольством в Москве, в своем очередном меморандуме сообщил о продолжительной беседе с поверенным в делах СССР в Германии Астаховым и главой торгового представительства Бабариным, проведенной «*прошлым вечером в ресторане в соответствии с данными ему инструкциями*» (курсив наш. — К.Р.).

Шнурре писал, что в разговоре «на замечание Астахова о тесном сотрудничестве и общности интересов внешней политики, которые раньше существовали между Германией и Россией, он (Шнурре) ответил, что возобновление такого сотрудничества представляется сейчас вполне возможным, если советское правительство находит его желательным. Я мог бы мысленно представить себе три этапа. Первый: заключение кредитного и торгового договора. Второй: нормализация и улучшение *политических* отношений. Третий: восстановление хороших *политических* отношений: или возвращение к тому, что было раньше (Берлинский договор 1926 г. о нейтралитете), или же новое соглашение, которое примет во внимание жизненные *политические* интересы обеих сторон. Этот третий этап вполне достижим, так как во всем районе от Балтийского моря до Черного моря и Дальнего Востока нет неразрешимых *внешнеполитических* проблем между нашими странами. В дополнение к этому, несмотря на все различия в мировоззрении, есть один общий элемент в идеологии Германии, Италии и Советского Союза — противостояние капиталистическим демократиям¹¹. Ни мы, ни Италия не имеем ничего общего с капиталистическим Западом. Поэтому нам кажется противоестественным, чтобы социалистическое государство вставало на сторону западных демократий... <...>

Астахов, в полном согласии с Бабариным, назвал путь СБЛИЖЕНИЯ (так в подлиннике. — К.Р.) с Германией, «темп которого в интересах обеих стран, вероятно, должен быть *медленным* и *постепенным*» (курсив наш. — К.Р.), так как Советский Союз видит для себя серьезную угрозу во внешней политике национал-социализма».

Шнурре добавил, что Астахов имел в виду «антикоминтерновский пакт», наши отношения с Японией, Мюнхен, свободу рук в Восточной Европе, которую мы (Германия) там получили и политические последствия всего этого для Советского Союза. Наша теория о том, что прибалтийские государства, Финляндия, а также Румыния входят в нашу сферу влияния, окончательно убедили советское государство в том, что ему угрожают. Москва не совсем верит в изменение германской политики в отношении Советского Союза, ждатель

можно лишь постепенного изменения. В своем ответе я подчеркнул, что в настоящее время германская политика на Востоке берет абсолютно другой курс. С нашей стороны не может быть речи об угрозе Советскому Союзу. Наша цель лежит в совершенно другом направлении. То, что мы намерены уважать целостность прибалтийских государств и Финляндии, стало совершенно ясно благодаря нашим пактам о ненападении и нашим неагрессивным предложениям. Германская политика направлена против Англии. Это решающий фактор. Как я уже заявил ранее, я вполне могу представить себе далеко идущее соглашение о соблюдении взаимных интересов вместе с рассмотрением проблем, являющихся жизненно важными для России. В данный момент этому препятствует Советский Союз, подписывающий с Англией договор, направленный против Германии. Советский Союз в этом случае сделает свой выбор и встанет вместе с Англией, в оппозиционный Германии лагерь. *Только по этой причине я возражаю против медленных поисков пути к достижению возможного взаимопонимания между Германией и Советским Союзом.* Сейчас время еще дает нам возможность, которой не будет после заключения договора с Лондоном. Это должно быть принято во внимание в Москве. Что может Англия предложить России? Самое большее — участие в европейской войне, вражде с Германией, но ни одной устраивающей Россию цели. Что можем предложить мы? Нейтралитет и не вовлечение в возможный европейский конфликт и, если Москва этого пожелает, германо-русское понимание взаимных интересов. Во время последующей беседы Астахов снова вернулся к вопросу о прибалтийских государствах и спросил, есть ли у нас, кроме планов экономического проникновения, далеко идущие политические намерения. Он также очень серьезно отнесся к румынскому вопросу. Что касается Польши, то он заявил, что так или иначе Данциг будет возвращен германскому государству... Описав наши торговые отношения с прибалтийскими государствами, я ограничился заявлением о том, что интересы Германии и России не придут в столкновение по этим вопросам».

Подводя итоги встречи, автор заключил: «Сложилось впечатление, что Москва еще не решила, что она хочет делать. Русские умолчали о состоянии переговоров о пакте с Великобританией и о шансах на его заключение. Учитывая все это, можно заключить, что в течение определенного времени Москва решила следовать как в отношении нас, так и в отношении англичан политике затягивания и отсрочек для того, чтобы отложить принятие решений, важность которых она ясно понимает».

Как видим, **27 июля 1939 г.**, когда до «часа X» (23 августа) оставалось менее месяца, руководство

¹¹ Так немецкие авторы, в т.ч. и Гитлер, называли страны-лидеры Антанты: Великобританию, Францию.

СССР не было готово к **сближению с Германией**. Но даже если оно и начнется, то, как сказал Г. Астахов, должно быть **медленным и постепенным**: советская сторона «видит для себя серьезную угрозу во внешней политике Германии, в ее отношениях с Японией, в Мюнхене, в свободе рук в Восточной Европе». И последнее, что убедило Советское государство в том, что ему угрожают — «теория о том, что прибалтийские государства, Финляндия, а также Румыния входят в сферу влияния Германии».

Тем не менее вывод Шнурре об отсутствии у Германии в ближайшее время перспективы заключения договора, даже сближения с СССР, не остановил главу МИД Риббентропа — добиться сближения с СССР.

29 июля 1939 г. статс-секретарь МИД Германии Э. Вайцеккер направил Шуленбургу секретную инструкцию, где писал следующее: «Если все сложится так, что Молотов оставит свою сдержанность, которую он проявляет, вы можете сделать еще один шаг в Вашем заявлении и сказать что-нибудь более определенное, чем то, что в общих чертах уже было высказано. Это особенно касается польского вопроса. При любом развитии польского вопроса, **мирным ли путем, как мы хотим этого, или любым другим, т.е. с применением силы** (выделено нами. — *К.Р.*), мы будем готовы гарантировать все советские интересы и достигнуть понимания с московским правительством. Если беседа будет протекать положительно и в отношении прибалтийского вопроса, то должна быть высказана мысль о том, что наша позиция в отношении Прибалтики будет откорректирована таким образом, чтобы принять во внимание жизненные интересы Советов на Прибалтике».

Этой инструкцией дело не ограничилось: Гитлер не хотел дальше терпеть неопределенность позиции СССР по отношению к Германии. Поэтому выяснить её взялся сам И. Риббентроп, **3 августа 1939 г.** направив послу в Москве телеграмму, в которой писал, что «прошлым вечером принял русского поверенного в делах» (Астахова. — *К.Р.*). Содержание беседы он и изложил как инструктаж: что и как говорить в общении с представителями государства пребывания по конкретному вопросу.

Риббентроп писал, что «политика Германии прямолинейна и долгосрочна. Мы благожелательно расположены к Москве. Поэтому вопрос в том, какой выбор сделают советские лидеры. Если Москва займет отрицательную позицию, мы будем знать, что именно происходит и как нам действовать. Если случится обратное, то от Балтийского до Черного моря не будет проблем, которые мы совместно не сможем разрешить между собой. Я сказал, что на Балтике нам двоим хватит места и что русские интересы там ни в коем случае не придут

в столкновение с нашими. Что касается Польши, то за развитием событий мы следим внимательно и хладнокровно. В случае провокации с ее стороны, вопрос будет урегулирован в течение недели. На случай этого я сделал тонкий намек на возможность заключения с Россией соглашения о судьбе Польши»¹².

Эту телеграмму можно считать этапной в начинающихся контактах Германии и СССР. Отныне ими руководил министр иностранных дел И. фон Риббентроп.

Здесь мы отвлечемся от рассмотрения корреспонденции МИД Германии лета 1939 г. и обратимся к документам такой же переписки Народного комиссариата иностранных дел СССР с послом Астаховым, и о чем тот предостерегал, комментируя позицию Германии.

8 августа 1939 г. он писал в Москву, что немецкая сторона «не прочь проверить на этих вопросах нашу дискретность и готовность договариваться, вовлечь нас в разговоры более далеко идущего порядка, произведя обзор всех территориально-политических проблем, могущих возникнуть между нами и ими. В этой связи фраза об отсутствии противоречий «на всем протяжении от Чёрного моря до Балтийского», может быть понята как желание договориться по всем вопросам, связанным с находящимися в этой зоне странами. Немцы желают создать у нас впечатление, что готовы были бы объявить свою незаинтересованность (по крайней мере, политическую) к судьбе прибалтов (кроме Литвы), Бессарабии, русской Польши (с изменениями в пользу немцев) и отмежеваться от аспирации на Украину. За это они желали бы иметь от нас подтверждения нашей незаинтересованности к судьбе Данцига, а также бывшей Германской Польши (быть может, с прибавкой до линии Варты или даже Вислы) и (в порядке дискуссии) Галиции. Разговоры подобного рода в представлениях немцев, очевидно, мыслимы лишь на базе отсутствия англо-франко-советского военно-политического соглашения».

12 августа 1939 г. Астахов дополнил свою предыдущую телеграмму новой: «События развиваются быстро, и сейчас немцам явно не хотелось бы задерживаться на промежуточных ступенях в виде разговоров о прессе, культурном сближении и т.п., а непосредственно приступить к разговорам на темы территориально-политического порядка, чтобы развязать себе руки на случай конфликта с Польшей, назревающего в усиленном темпе. Кроме того, их явно тревожат наши переговоры с англо-французскими военными, и они не щадят аргументов и посулов самого широкого

¹² Накануне войны. С. 18.

порядка, чтобы это военное соглашение предотвратить. Ради этого они готовы сейчас, по-моему, на такие декларации и жесты, какие полгода назад могли казаться совершенно исключительными. Отказ от Прибалтики, Бессарабии, Восточной Польши (не говоря об Украине) — это в данный момент минимум, на который немцы пошли бы без долгих разговоров, лишь бы получить от нас обещание немешательства в конфликт с Польшей...».

13 августа 1939 г. Астахов в новой телеграмме из Германии сообщил, что от имени Риббентропа его известили, что «германское правительство намерено как можно быстрее приступить к переговорам на известные Москве темы».

Здесь мы прервёмся, чтобы объяснить перерыв в поступлении новой информации из СССР. Дело в том, что 11 августа 1939 г. в г. Москву прибыли военные делегации Англии и Франции для переговоров по созданию коалиции трех держав. СССР не отвечал в ожидании их завершения. Гитлер, осведомленный об их начале, наоборот, удвоил натиск на СССР.

14 августа 1939 г. из Германии в СССР одна за другой были отправлены две телеграммы: первую отправил Шнурре, вторую — сам Риббентроп.

Шнурре известил Шуленбурга о своей встрече в Берлине с Астаховым, и об инструкции, которую тот получил от Молотова, где указывалось, что «Советы заинтересованы в обсуждении отдельных групп вопросов из числа тех, которые уже были подняты. Среди прочего и кроме находящихся на рассмотрении проблем экономических переговоров Астахов причислил к этим вопросам вопросы о прессе, культурном сотрудничестве, польский вопрос, проблемы прежних германо-советских политических соглашений. Подобное обсуждение, однако, может происходить только постепенно или поэтапно. Местом этих обсуждений может быть Москва».

Риббентроп в своей телеграмме просил Шуленбурга «лично связаться с господином Молотовым и передать ему, что «интересы Германии и СССР нигде не сталкиваются, их жизненные пространства прилегают друг к другу, но в столкновениях нет естественной потребности. Таким образом, причины для агрессивного поведения одной страны по отношению к другой отсутствуют. У Германии нет агрессивных намерений в отношении СССР. Имперское правительство придерживается того мнения, что между Балтийским и Черным морем не существует вопросов, которые не могли бы быть урегулированы к полному удовлетворению обоих государств. Среди этих вопросов есть и такие, которые связаны с Балтийским морем, Прибалтикой, Польшей, юго-восточным районом и т.д. В подобных вопросах политическое

сотрудничество между двумя странами может иметь только положительный результат. То же самое относится и к германской и советской экономике, сотрудничество которых может расширяться в любом направлении...».

Далее он признал, что «Германия и Советский Союз в результате многолетней вражды их мировоззрений и сегодня относятся друг к другу с недоверием. Должно быть счищено много накопившегося мусора. Нужно сказать, однако, что даже в этот период естественные симпатии немцев и русских друг к другу никогда не исчезали. На этой базе заново может быть построена политика двух государств. Имперское правительство и советское правительство на основании всего своего опыта должны считаться с тем фактом, что капиталистические демократии Запада являются неумолимыми врагами, как национал-социалистической Германии, так и Советского Союза. Сегодня, заключив военный союз, они снова пытаются втянуть СССР в войну против Германии. В 1914 году эта политика имела для России катастрофические последствия. В общих интересах обеих стран избежать на все будущие времена разрушения Германии и СССР, что было бы выгодно лишь западным демократиям. Кризис в германо-польских отношениях, спровоцированный политикой Англии, а также британская военная пропаганда и связанные с этим попытки создания (антигерманского) блока делают желательным скорейшее выяснение германо-советских отношений. В противном случае, независимо от действий Германии, дела могут принять такой оборот, что оба правительства лишатся возможности восстановить германо-советскую дружбу и совместно разрешить территориальные вопросы, связанные с Восточной Европой. Поэтому руководителям обоих государств не следует пускать события на самотек, а действовать. Будет губительно, если из-за отсутствия взаимопонимания по отношению к взглядам и намерениям друг друга наши народы окончательно разойдутся в разные стороны».

Свое послание Риббентроп заключил официальным заявлением, что он как «имперский министр иностранных дел **готов прибыть в Москву с краткосрочным визитом, чтобы от имени фюрера изложить взгляды фюрера господину Сталину**».

На другой день, **15 августа 1939 г.**, он получил ответ от Шуленбурга, который писал: «Молотов с величайшим интересом выслушал информацию, назвал ее крайне важной и заявил, что он сразу же передаст ее своему правительству и в течение короткого времени даст мне ответ. Он может заявить уже сейчас, что Советское правительство тепло приветствует германские намерения улучшить отношения с Советским Союзом и теперь, принимая

во внимание мое сегодняшнее сообщение, верит в искренность этих намерений. В связи с приходом министра иностранных дел он высказал личное мнение: подобная поездка требует соответствующих приготовлений для того, чтобы обмен мнениями дал результаты. В этой связи его интересует, как германское правительство относится к идее заключения *пакта о ненападении с Советским Союзом, а также готово ли оно повлиять на Японию с целью улучшения советско-японских отношений и урегулирования пограничных конфликтов и намеревается ли Германия дать возможные гарантии прибалтийским государствам* (курсив наш. — К.Р.). Молотов повторил, что «если мое сегодняшнее сообщение включает в себя идею пакта о ненападении (курсив наш. — К.Р.) или что-либо похожее, вопрос должен быть обсужден более конкретно».

16 августа 1939 г. отправленную накануне телеграмму Шуленбург дополнил письмом, в котором изложил свои впечатления от этой встречи с Молотовым, отметив, что «довольно неожиданно Молотов оказался любезен и откровенен. У меня создалось впечатление, что предложение о визите имперского министра очень польстило лично ему и что он рассматривает это как действительное доказательство наших добрых намерений. Во вчерашнем заявлении господина Молотова должна быть также по достоинству отмечена умеренность его требований по отношению к нам. Он ни разу не использовал слов “антикоминтерновский пакт” и не требовал от нас, как он делал в предыдущей беседе, “отказа” от поддержки японской агрессии. Он ограничился высказыванием соображения о том, что мы могли бы способствовать урегулированию советско-японских отношений. Более существенным является его ясно выраженное желание заключить с нами *пакт о ненападении*» (курсив наш. — К.Р.).

В тот же день, **16 августа 1939 г.**, Риббентроп отправил Шуленбургу телеграмму, в которой попросил его «снова связаться с господином Молотовым и **заявить ему**, что в дополнение к вчерашнему посланию для господина Сталина Вы должны передать ему нижеследующую **инструкцию из Берлина**: 1. Вопросы, поднятые господином Молотовым, соответствуют германским пожеланиям, а именно; Германия готова заключить с Советским Союзом *пакт о ненападении*, если желает советское правительство, не подлежащий изменению в течение 25 лет. Далее, Германия готова совместно с Советским Союзом гарантировать безопасность прибалтийских государств. Наконец, Германия готова и это полностью соответствует позиции Германии, попытаться повлиять на улучшение и укрепление русско-японских отношений. 2. Фюрер считает, что, принимая во внимание настоящую ситуацию и каждодневную возможность возникновения

серьезных инцидентов (в этом месте, пожалуйста, объясните господину Молотову, что Германия полна решимости не терпеть польские провокации бесконечно), желательно общее и быстрое выяснение германо-русских отношений и взаимное урегулирование актуальных вопросов. По этим причинам имперский министр иностранных дел **заявляет**, что, начиная с пятницы 18 августа, он готов в любое время прибыть самолетом в Москву, имея от фюрера полномочия на решение всего комплекса германо-русских вопросов, а если представится возможность, то и для подписания соответствующего договора. Абсолютно конфиденциально для вашего сведения добавляется, что мы особенно заинтересованы в том, чтобы моя поездка в Москву могла состояться в конце этой или начале следующей недели»¹³.

Но и на этот отчаянный призыв к СССР имперского министра иностранных дел Германии Риббентропа, предлагающего как можно скорее установить политические контакты, СССР не спешил с ответом.

В интервью журналу «Историк» научный директор Российского военно-исторического общества М. Мягков сказал: «По признанию серьезных западных историков, до середины августа 1939 года, до провала трехсторонних переговоров, Сталин был ориентирован на образование антигитлеровской коалиции в составе СССР, Великобритании и Франции и эта коалиция смогла бы дать достойный отпор замыслам Гитлера, остановить его»¹⁴.

Их встреча в августе 1939 г. стала последней: она показала, что правительства этих государств не готовы к объединению их вооруженных сил с силами Красной Армии СССР. Оказалось, что она предполагала всего лишь обмен мнениями, т.к. главы делегаций не имели полномочий заключать военную коалицию с СССР. В их задачу входило выяснить позицию СССР по этому вопросу и потенциал Красной Армии. При обсуждении предложенного советской стороной варианта разместить вдоль линии границ Польши с Германией группы советских войск, оказалось, что Польша категорически не желала пропустить их через свою территорию. Лондон и Париж не смогли (или не очень хотели) переубедить Польшу.

Подробный анализ внешнеполитического курса Англии и Франции этого периода, проведенный М. Мягковым, убедил автора в том, что «их усилия были сконцентрированы на том, чтобы **“канализировать агрессию гитлеровской Германии на восток”**» (выделено мною. — К.Р.). Он отметил, что на заключительном этапе переговоров представители

¹³ Накануне войны. С. 19.

¹⁴ Договор о ненападении. С. 77.

советской военной делегации задали риторический вопрос, общий для английской и французской военных делегаций: «Где Красная Армия могла бы сосредоточиться, чтобы встретить немцев?». Ответ также был общий: «Оставайтесь там, где стоите». Как и в случае с Чехословакией, это значило: «действуйте сами, на нас не рассчитывайте». Переговоры зашли в тупик, и обе иностранные делегации покинули Москву.

Отказ «демократических держав» Англии и Франции включить СССР в «антигитлеровскую коалицию» Сталин воспринял как оскорбительный, как и реагирование Польши в этой ситуации. Оно, как и такая же ее реакция на предложение СССР в начале 1939 г. оказать военную помощь Чехии, безусловно, не было забыто советской стороной 23 августа при решении с Риббентропом «польского вопроса».

Отторжение этих государств заставило руководство СССР искать союза с другими. Но надо ли было их искать, когда именно сейчас срочного ответа на предложение о союзе требовал Гитлер?

Сталин не хотел, более того, опасался такого союза. Пять лет назад он отказался от политических контактов с фашистской Германией. В 1934 г., после выхода Германии и Италии из Лиги Наций, по приглашению 30 её членов и СССР также стал им. При этом руководство СССР рассчитывало использовать пребывание в ней для борьбы с фашистской агрессией и разоблачения пособничества в ней со стороны западных держав¹⁵. Но оказалось, что ее лидеры — Англия и Франция и следующие за ними ряд государств — отказывались от союза с ним.

Но и оказавшись в одиночестве в сообществе недружественных к нему государств, СССР не имел намерения вступать в переговоры с Германией. Тем не менее эффект, который на Сталина произвел отказ Англии и Франции от военной коалиции с СССР, стал сигналом для Германии, что нельзя терять времени: пора действовать быстро и настойчиво.

18 августа 1939 г. из Москвы Шуленбург срочно сообщил: «Советское правительство, принимая к сведению заявление германского правительства о его желании улучшить политические отношения с СССР, предлагает “не торопить события, так как в недавнем прошлом германское правительство пыталось посредством “антикоминтерновского пакта” создать против СССР объединенный фронт государств и с особым упорством старалось втянуть в него Японию. Понятно, что такая политика заставила СССР провести серьезные мероприятия по усилению своей обороноспособности на случай

возможной агрессии Германии против СССР, а также принять участие в организации оборонительного фронта группы государств, направленного против такой агрессии. Когда сейчас германское правительство меняет свою прежнюю политику в сторону искреннего улучшения политических отношений с СССР, советское правительство смотрит на такие изменения с удовольствием и готово со своей стороны направить свою политику по пути заметного улучшения отношений с Германией. Правительство СССР считает, что первым шагом к подобному улучшению отношений между СССР и Германией может быть заключение торгового и кредитного соглашения. Правительство СССР считает, что вторым шагом вскоре после первого, может быть заключение *пакта о ненападении* или подтверждение Договора о нейтралитете 1926 года с одновременным подписанием специального протокола, который определит интересы сторон в вопросах внешней политике и который явится неотъемлемой частью пакта».

Итак, Москве было необходимо подтверждение мирных устремлений Германии по отношению к СССР.

Новый отказ лишь усилил желание Гитлера сломить упорство СССР. Он следовал своему кумиру Бисмарку, что с военной и политической точки зрения в таких случаях «действовать медленно неблагоприятно и опасно»¹⁶. Поэтому он приказал Риббентропу как можно быстрее добиться согласия СССР на его приезд, чтобы в личных беседах убедить Молотова и Сталина в необходимости союза «Германия — СССР».

По его команде Риббентроп отправил послу Шуленбургу срочное задание: «*немедленно* условьтесь о новой беседе с господином Молотовым и *сделайте все возможное, чтобы беседа состоялась*. Мы полностью согласны с заключением *пакта о ненападении, о гарантиях прибалтийским государствам и об оказании Германией давления на Японию*. Таким образом, имеются все фактические элементы для *немедленного начала* прямых устных переговоров и заключительного соглашения. По мнению фюрера, существующая необычная ситуация делает необходимым использование метода, который приведет к быстрым результатам. Германно-польские отношения изо дня в день становятся все более острыми. Мы должны принять во внимание, что в любой день могут произойти столкновения, которые сделают неизбежным начало военных действий. Поэтому мы просим о *немедленном ответе* на предложения о моем *немедленном* выезде

¹⁵ См.: Советский энциклопедический словарь. М., 1982. С. 718.

¹⁶ Ерусалимский А. «Бисмарк как дипломат». Вступит. статья к кн.: Бисмарк О. Мысли и воспоминания / пер. с нем. Т. 1. М., 1940. С. XXV.

в Москву. Я наделен полномочиями обговаривать детали в устных дискуссиях в Москве и, если представится возможность, исполнить пожелания русских. Я также вправе подписать *специальный протокол, регулирующий интересы обеих сторон в тех или иных вопросах внешней политики, например в согласовании сфер интересов на Балтике, проблемы прибалтийских государств и т.д.* Подобное урегулирование, однако, представляющееся нам необычайно важным, возможно лишь во время *устной беседы*. Вы должны иметь в виду тот главенствующий факт, что вероятно скорое начало открытого германо-польского столкновения и что поэтому мы крайне заинтересованы в том, чтобы мой визит в Москву состоялся *немедленно*¹⁷.

19 августа 1939 г. в ответной телеграмме из СССР Шуленбург сообщил: «Молотов настаивает на своем мнении, что в данный момент невозможно даже приблизительно определить время поездки, так как она требует тщательных приготовлений. Это относится и к пакту о ненападении, и содержанию подписываемого одновременно протокола. На доводы, которые я неоднократно и подчеркнуто выдвигал в пользу необходимости *торопиться*, Молотов возразил, что пока даже первая ступень — завершение экономических переговоров — не пройдена. Молотова, очевидно, не трогали мои возражения. Едва ли не через полчаса после завершения беседы Молотов передал мне, что просит снова разыскать его в Кремле в 16.30. Он извинился, что поставил меня в затруднительное положение и объяснил, что сделал доклад советскому правительству и уполномочен вручить мне проект *пакта о ненападении*. Что касается поездки министра иностранных дел, то советское правительство согласно на приезд господина Риббентропа в Москву примерно через неделю после обнародования подписанного экономического соглашения. Таким образом, если это провозглашение произойдет завтра, господин фон Риббентроп может прибыть в Москву 26 или 27 августа. Молотов не объяснил мне причины резкого изменения своей позиции. Я допускаю, что вмешался Сталин».

20 августа 1939 г. Риббентроп направил Шуленбургу срочную телеграмму с текстом: «Фюрер уполномочивает Вас *немедленно явиться к Молотову и вручить ему следующую телеграмму фюрера для господина Сталина*:

Господину Сталину. Москва.

1. Я искренне приветствую подписание нового германо-советского торгового соглашения как первую ступень перестройки германо-советских отношений.

¹⁷ Накануне войны. С. 20.

Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня определение долгосрочной политики Германии.

Я принимаю проект пакта о ненападении, который передал мне Ваш министр иностранных дел господин Молотов, и считаю крайне необходимым как можно более скорое выяснение связанных с этим вопросов.

Я убежден, что дополнительный протокол, желаемый советским правительством, может быть выработан в возможно короткое время, если ответственный государственный деятель Германии сможет лично прибыть в Москву для переговоров.

Напряженность между Германией и Польшей стала невыносимой. Поведение Польши по отношению к великим державам таково, что кризис может разразиться в любой день.

По моему мнению, желательно ввиду намерений обеих стран, не теряя времени, вступить в новую фазу отношений друг с другом. Поэтому я еще раз предлагаю принять моего министра иностранных дел во вторник **22 августа**, самое позднее, — в среду **23 августа**. Имперский министр иностранных дел имеет абсолютные полномочия на составление и подписание как пакта о ненападении, так и протокола. Принимая во внимание международную ситуацию, имперский министр иностранных дел не может оставаться в Москве более, чем один — два дня. Я буду рад получить ваш скорый ответ. Адольф Гитлер».

Это письмо по форме обращения к адресату «господину Сталину» и по подписи автора в конце текста «Адольф Гитлер», без указания регалий того и другого имеет личный характер. Но во всем остальном оно если и не ультиматум, то очень близко к нему: все его положения изложены в жесткой форме, что не свойственно личным посланиям глав государств. Сталина не могла не обеспокоить настойчивость и твердость Гитлера, с какими он предлагал советской стороне, «не теряя времени, вступить в новую фазу отношений», и его столь же жесткое предложение «принять его министра иностранных дел во вторник 22 августа, самое позднее — в среду 23 августа».

Нет сомнения, его интересует не пакт, а протокол к нему. Гитлер пишет, что он «может быть выработан в возможно короткое время», но только, если... Риббентроп «сможет лично прибыть в Москву для переговоров». Срок его пребывания «не более чем один-два дня». Причина этой гонки — «напряженность между Германией и Польшей» и «кризис», который «может разразиться в любой день».

22 августа 1939 г. Шуленбург сообщил телеграммой в Германию, что «**21 августа в 17 часов** Молотов вручил ему ответ Сталина, изложенный

в очень дружелюбной форме. Сталин сообщает, что советское правительство согласно на приезд в Москву министра иностранных дел **23 августа**.

Как видим, этого согласия Германия добивалась три недели, и получила только тогда, когда сам фюрер 20 августа обратился к Сталину с просьбой принять и выслушать его министра иностранных дел. Поэтому следует возразить авторам, утверждающим, что это советское руководство пригласило И. Риббентропа в Москву¹⁸, т.е. инициировало его приезд, что искажает суть и понимание всех последовавших за этим событий: подписание пакта о ненападении и протокола к нему.

Итак, в назначенный день, **23 августа 1939 г.**, Риббентроп был в Москве. В тот же день на встрече он подтвердил Сталину и членам правительства СССР (Молотов, Жданов, Ворошилов, Маленков и др.) слова фюрера о полной готовности Германии выполнить эти условия: обсудить и подписать пакт о ненападении и дополнительный протокол к нему.

Вероятно, он был «в ударе» в тот день: при первой же личной встрече со Сталиным, Молотовым и другими членами правительства сумел склонить их к союзу с Германией и подписать Пакт о ненападении. Более того, он убедил их и в том, чтобы «здесь и сейчас» подготовить и сразу же подписать дополнительный секретный протокол к пакту, проект которого подготовил Гитлер. В качестве проекта он раскрыл привезенную им из Германии географическую карту Восточной Европы, на которой Гитлер, как сказал Риббентроп, четкой линией разделил «сферы политического влияния» Германии и СССР.

М. Мягков утверждал, что «до середины августа 1939 года, вплоть до провала переговоров, Сталин был ориентирован на образование антигитлеровской коалиции в составе СССР, Великобритании и Франции» и выше, Советский Союз еще неделю назад отвергал саму возможность вступать в политические контакты с другой, соглашаясь пока лишь на *сближение*, «нашим главным врагом оставался Берлин»¹⁹. Но это не остановило Германию, которая более чем настойчиво добивалась этого и добила.

Как констатировал М. Мягков, всего неделю спустя «между высшими советскими руководителями... был достигнут консенсус» не только в отношении пакта о ненападении, но и протокола, который в полночь 23 августа был подписан Риббентропом и В.М. Молотовым.

Утром **24 августа 1939 г.** уже в Германии, куда Риббентроп возвратился самолетом, он с гордостью доложил Гитлеру: «*Veni, vidi, vici*» (*лат.* — «пришел, увидел, победил»). И это была его подлинная победа.

Как Гитлер и рассчитывал, Риббентроп сумел вовлечь СССР в реализацию его замысла относительно Польши, воплотить его в форму, при которой тот мог разделить с Германией ответственность за эту экспансию. Он был нужным членом в команде Гитлера: на него он возложил внешние контакты Третьего рейха. К приятной внешности, что было немаловажно для выполнения возложенных на него функций, он показал себя и умелым переговорщиком. В прошлом он долго и успешно занимался бизнесом в сфере продажи дорогих вин и научился быть лидером в переговорах, причем не просто внушать, а навязывать свое мнение. В этом качестве он и был представлен Гитлеру, который в начале 1938 г. включил Риббентропа в свой ближний круг, а после проведения им сложных переговоров с Великобританией назначил министром иностранных дел Третьего рейха.

* * *

Итак, 23 августа 1939 г. оба документа были подписаны и в таком виде вошли в историю.

Во второй части этой статьи будет представлен полный текст секретного протокола и сделана попытка понять, что советская сторона предполагала и надеялась получить от принятия этих актов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богуславский К.* Черный передел: 1939 год // Дилетант. 2019. № 047. С. 15, 16.
2. *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе, 1933–1945. Исторические очерки, документы и материалы. Т. 2. М., 2005. С. 37.
3. Договор о ненападении // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2019. № 7–8. С. 77.
4. *Ерусалимский А.* «Бисмарк как дипломат». Вступит. статья к кн.: *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания / пер. с нем. Т. 1. М., 1940. С. XXV.
5. Международное право: учеб. / под ред. В.А. Ковалева, С.В. Черниченко. М., 2006.
6. Накануне войны // Эхо планеты. 1989. 25 авг. С. 18–21.
7. Советский энциклопедический словарь. М., 1982. С. 718.

REFERENCES

1. *Boguslavsky K.* Black redistribution: 1939 // Amateur. 2019. No. 047. P. 15, 16 (in Russ.).

¹⁸ См.: *Богуславский К.* Указ. соч. С. 15.

¹⁹ Договор о ненападении. С. 77.

2. *Dashichev V.I.* Strategy of Hitler. The path to catastrophe, 1933–1945. Historical essays, documents and materials. Vol. 2. M., 2005. P. 37 (in Russ.).
3. Non-aggression Agreement // *Historian. Journal about the current past.* 2019. No. 7–8. P. 77 (in Russ.).
4. *Yereralimsky A.* “Bismarck as a diplomat”. Joins. article to the book: *Bismarck O.* Thoughts and memories / trans. from German. Vol. 1. M., 1940. P. XXV (in Russ.).
5. *International Law: Textbook.* / ed. by V.A. Kovalev, S.V. Chernichenko. M., 2006 (in Russ.).
6. On the eve of war // *Echo of the planet.* 1989. 25 Aug. P. 18–21 (in Russ.).
7. *Soviet encyclopedia.* M., 1982. P. 718 (in Russ.).

Сведения об авторе

РОДИОНОВ Константин Семёнович – кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

RODIONOV Konstantin S. – PhD in Law, Professor, leading researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia